

Запсибу - 55 лет!

От Берёзовки через Европу до легендарного ЗСМК

Иван Иванович РОГИНЦЕВ – это человек-эпоха.

В этом году ему исполняется 96 лет.

За его плечами большая интересная жизнь, которую условно можно разделить на четыре главы

Началась его жизненная дорога в деревне Берёзовка Алтайского края. «Я был пятым ребенком в семье, - рассказывает Иван Иванович, - у меня было три сестры и четыре брата. Мама трудилась не покладая рук: дом, огород, пашня, сама ткала холсты, шила нам одежонку. Отец, как человек грамотный, работал секретарем сельсовета. Тридцатые годы, смутные времена, народ сгоняли в колхозы, отнимали скот, выгребали закрома. Бывало, отец вернется с работы расстроженный: опять пришла разнарядка на выявление кулаков и зажиточных. А где их взять - кругом одна гольтуба. Вот тогда отец и решил, пока его тоже не записали в кулаки, ехать к брату в город, на Кузнецкстрой».

Обосновались тогда Рогинцевы в землянке около завода на улице Горнореченской. Таких землянок, как нор, вырытых в косогоре, там оказалось немало. «Бывало, еще спим, - продолжает Иван Иванович, - мама стелила нам всем прямо на земляной пол, - слышим топот. Значит, шесть утра, народ спешит на смену, идет через наш косогор. В 1937 году случилось сильное наводнение, Томь вышла из берегов, затопила все кругом. Отцу выделили кусок земли в Точилине, там он построил засыпной дом, настоящий, с кухней».

После окончания школы Иван Рогинцев поступил в горный техникум в Прокопьевске. Учился хорошо, за что ему была определена стипендия - 60 рублей, аккуратно на две буханки хлеба, но ее через год, когда началась война с белофиннами, отменили. Пришлось вернуться в Сталинск, дома прожить было легче. Тут как раз учительский институт объявил о новом наборе студентов. В 41-м Иван Рогинцев только успел пройти практику и дать десять уроков математики и физики в школе № 8.

Ему еще не было восемнадцати лет, но Иван пошел в военкомат. Там он узнал, что находится на особом счету среди новобранцев, которые занимались в аэроклубе, и велели ждать распределения в летное училище.

Сначала учили курсантов в Челябинске, потом в Миассе. Через четыре месяца упорной учебы, муштры, занятий на полигоне Иван Рогинцев получил звание младшего лейтенанта. Молодого офицера после распределения из Москвы направили «нюхнуть порошу» на Калининский фронт. Новобранцев там старались уберечь, и будущий командир вместе с солдатами грузил снаряды, рубил лес, таскал бревна, налаживая настилы. «Стажировка» закончилась быстро, и младшего лейтенанта Рогинцева определили в 586-й дивизион РС - реактивных установок «катюша». Назначили заместителем командира первой батареи, в которой были 24 пусковые рамы, стреляющие с земли, и направили под Ленинград на прорыв блокады. Это был передний край, где полегло немало защитников города. Батарея Рогинцева отличилась на Невской Дубровке, дав первый залп по прорыву блокады. С боями артиллеристы постепенно отодвигали фашистские группировки, освобождая Пулковку, Гатчину, с огромными потерями дошли до Пскова. После реформирования и пополнения личного состава, получив новые установки «катюша», были переброшены на 1-й Белорусский фронт под Варшаву.

А потом был победный май 45-го. «Я стоял среди этой ликующей толпы, - рассказывает Иван Иванович, - и мне только хватило сил, преодолевая слезы восторга, крикнуть: «Мы победили, мама!» Победителю Рогинцеву на ту пору был 21 год. Он мальчишкой прошел огонь Великой Оте-

чественной, был ранен, воевал не за ордена и медали, которых у него множество, за свою маму, за отца, братьев и сестер, за свою деревню Берёзовку, за домик в Точилине.

Спустя много лет Иван Иванович, выйдя на заслуженный отдых, все это опишет в своей книге «От Ленинграда до Берлина», которая вышла большим тиражом. Это очень честная и правдивая книга о войне.

Вторая глава из его жизни - мирная, о ней он рассказал в своей следующей книге «Возвращение домой».

Из Германии Иван Рогинцев возвращался только в 46-м. Все ближе Сталинск. В окне вагона мелькают знакомые места. Проехали Прокопьевск. Его сердце сжималось, глаза застилала слезы от мысли, что дом уже рядом. Родители и не подозревали, что он скоро прибудет. Иван ясно представил, что они обычно делают в этот утренний час: отец растапливает печь, бьет молотком по угольной глыбе, измельчая ее на кусочки, мама хлопочет рядом, собирая на стол.

В купе заглянула проводница: «Сынок, подъезжаем». За длинную дорогу они часто разговаривали. Ивану не терпелось увидеться с родными, он договорился оставить багаж в вагоне и рванул на остановку к базару у хлебозавода № 1. Узнав, что автобусы в Точилино давно не ходят, не чувствуя ног, понесся по улице Пролетарской. Дорога была знакома до каждой выбоины. И вот заветная улица Овражная. Не замечая соседей, выскакивающих из ворот при виде военного, он бежал к своему дому. Двери были открыты, отец сидел за починкой сапог, мать стояла у печки. Они смотрели на Ивана удивленно и испуганно, не издавая ни звука. Лишь тринадцатилетняя сестренка, выбежавшая из комнаты с криком: «Ваня!», привела их в чувство. Через мгновение все трое, повторяя: «Ваня! Ваня!», обнимали его, обливаясь слезами радости. Во двор уже шли соседи, женщины с рыданиями припадали к его груди: «Хоть один с улицы вернулся живой!» Мать стояла в стороне и твердила: «Потерпи, сынок, не дождался они своих, получили похоронки».

Отдохнув с дороги, Иван Рогинцев решил устраиваться на работу. Отец настаивал - иди в горком партии, грамотный, офицер, командир. Но Иван поступил по-своему. Решил учиться в Кузнецком металлургическом техникуме, куда его приняли, как фронтвика, без экзаменов. На практике был в механическом цехе КМК, работал токарем. После окончания учебы опять пришел на КМК, и, хотя мест не было, его, опять же, как фронтвика, взяли в рельсобалочный цех слесарем. Проявил он свою работоспособность быстро, через три месяца его назначили техником по заказам в техотдел, а вскоре и инженером по оборудованию, а затем и механиком рельсобалки.

Однажды в цех пришла разнарядка на механика для поездки в командировку в Индию, где СССР стоил огромный Бхилайский металлургический комбинат, который, выйдя на проектную мощность, давал в год 1 миллион тонн стали. В основном предприятие выпускало строительные профили, балки, рельсы.

«Приехали почти на пуск сортпрокатного цеха, - вспоминает Иван Иванович. - Только нас, специалистов из Союза, и ждали. Вопросы уйма. Много нестыковок. Оборудование в основном все наше, да какое! Все мощное, крепкое, продуманное до винтика. Восторг. Вот бы такое на КМК!»

Цех пустили. Самая большая проблема была в обучении персонала. Индусы все из деревень, многие даже машин не разу не видели, а тут надо осваивать такую технику: гидравлику, пневматику... Объясняли, как могли, через переводчиков, на примере, «на пальцах». Чуть чего, они ко мне: «Мистер Ван Ваньч».

Как-то вызывают в цех. Приезжаю, он стоит. Забурили печку, где прогревали металл до 1100 - 1200 градусов, а в клетях его дальше катали. Индийский рабочий, когда толкал, не почувал, что блюмс перекосило. Он толкал и толкал, пока не встал.

Что делать? Мы с технологом Пастуховым говорим, что надо забираться в печь и резать блюмсы. «Жарко там», - говорят индусы. Печь хоть и подостыла, но действительно еще была горяча. Настроили горелки, один индус сунулся - тут же выпрыгнул, другой - та же картина. На нас показывают, чтобы мы лезли. Я им говорю: «Вы в Индии к жаре привыкли, а я-то из Сибири». Но делать нечего. Так с Пастуховым, облившись в спецовку и обливаясь водой, ныряли друг за другом в печь и резали. Разбурили.

Опять проблема: на муфтах были срезы предохранительные втулки. Индусы попробовали их установить, но тщедушные, даже молот поднять не могли. Я взялся. Как шебанул, втулка вдребезги, осколки в разные стороны, меня всего исчиркали и в руку впилась. «Как на войне», - сразу подумалось. Перевязали меня всего, я опять за работу.

Еще надо было штангу поправить, ее изогнуло, когда с силой пихали в печь металл. Опять индусы на меня смотрят. Месяц надо выправлять. «Сутки, - говорю, - цех запускать надо». - «Давай, мистер Ван Ваньч. На тебя вся надежда». - «Я же ваш консультант, и только», - возражаю. Но делать нечего. Беру блюмсы, на них кладу штангу, краном поднимаю стотонную клеть и аккуратно потихоньку опускаю на штангу. Выпрямил за час. Индусы разве что не аплодируют. Русская смекалка называется».

В Индии Рогинцев жил два года. Нестерпимо хотелось назад, домой. Не отпускали. Выручил замдиректора по кадрам ЗСМК Иван Петрович Павловский, он тоже был в командировке в Индии. Именно он потом пригласил Ивана Ивановича на работу на Запсиб, где планировалась стройка мелкосортного цеха. «Этот цех для меня начинался с нуля, - рассказывает Иван Иванович, - есть фото, где мы забиваем первую сваю. Там я был помощником начальника цеха по мехоборудованию».

А потом опять была заграничная командировка, на этот раз в Алжир на три года.

Только на ЗСМК Рогинцев проработал 20 лет. «Это было замечательное время, - говорит он, - время строительства, запуска, освоения. Всё на подъеме.

А какие были люди, имена... Леонид Сергеевич Климасенко - легендарный директор ЗСМК, с именем которого связаны первый записовский кокс, первый чугун, первая сталь, первый прокат. Кадры ИТР он подбирал сам. Его не интересовали степени и звания, ему нужны были специалисты вдумчивые, инициативные, личности. Он и сам был незаурядной личностью, Металлург с большой буквы, человек широкой души и чистой совести.

С благодарностью вспоминаю Ивана Петровича Павловского, Сергея Иосифовича Павловского, в мою бытность главного инженера Запсиба. Ивана Спиридоновича Беликова, старейшего инженера высокой культуры, пример трудолюбия, честности. Самые добрые воспоминания о настоящих друзьях Олеге Лаврентьевиче Казырском - начальнике мелкосортного цеха, Борисе Александровиче Мячине. Перечислять могу долго. Может, поэтому я до сих пор и не теряю связь с родным предприятием, поскольку уважаю людей этого грандиозного комбината, уважаю их труд.

Как-то встретил на одном заводском новогоднем мероприятии Бориса Александровича Кустова, директора Запсиба с 1986 по 1996 год. Говорит: «Хватит отдыхать, давай, Иван Иванович, опять к нам, специалист ты классный. Дадим тебе полушубок, валенки, шапку, будешь ходить по цехам, где «узкие» места, и расшивать их». - «Премного благодарен за оценку, - отвечаю. - Знаю я эти «узкие» места. Придется на заводе дневать и ночевать». Я на ту пору уже творчеством занимался, писал книгу «От Ленинграда до Берлина».

Впереди у него была еще одна книга, и еще две о командировках, и бесконечные встречи с родным коллективом, подрастающим поколением и просто с новокузнецчанами, где он делится главами из своей непрдуманной жизни.

**Ольга Волкова.
Фото Владимира Шабанкова
и из семейного архива.**